

П.В. Шлыков

«Исламское государство» как вызов нормативности западной модели общественного и государственного устройства

Аннотация. В статье рассматривается феномен «Исламского государства» (ИГ) в нескольких измерениях – как вызов нормативности западной модели общественного устройства, как проект альтернативной государственности, как столкновение внутри исламского мира и новый виток антизападной революции. Успех и конкурентные преимущества ИГ в заполнении вакуума реальной власти и создании своего протогосударства анализируются не только как следствие деградации государственных институтов в регионе, но и как производная кризиса незавершенных проектов нациестроительства.

Abstract. The paper analyses the phenomenon of the «Islamic State» (IS) as a challenge to the Western model of social order, an alternative project of state-making, a clash within the Islamic world and a new stage of anti-westernization. The paper also scrutinizes the success and competitive advantages of the IS in filling the vacuum of power and making its own proto-state as a consequences of the both degrading state institutions in the region and unfinished nation-making projects.

Ключевые слова: «Исламское государство», ИГ, ИГИЛ, исламский радикализм, антивестернизация, нациестроительство.

Keywords: «Islamic State», IS, ISIL, Islamic radicalism, anti-westernization, nation-making.

«Исламское государство» (ИГ) формально возникло в 2006 г., когда Совет моджахедов шуры, включавший в себя ряд экстремистских группировок в Ираке [Designated., 2016], объединился с более мелкими повстанческими структурами, боровшимися против коалиционных сил в Ираке. На тот момент ИГ именовалось «Исламское государство Ирака» (ИГИ). Окрепнув в условиях начавшейся в 2011 г. гражданской войны в Сирии, ИГ в 2013 г. объединило иракских и сирийских джихадистов и сменило свое самоназвание на «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) – именно под этим именем структура под руководством Абу Бакра аль-Багдади была признана террористической [Sanctions., 2016]. Еще через год, в июне 2014 г., ИГИЛ провозгласило на захваченных территориях Сирии и Ирака создание «халифата» под названием «Исламское государство» (ИГ) с целью в перспективе объединить под своим началом все мусульманские страны. Провозглашение «халифата» означало существенное расширение границ деятельности ИГ, под знамена которого со всего мира стали стекаться добровольцы и которому начали присягать на верность близкие по идеологии группировки. Захват и удержание обширных территорий в Сирии и Ираке, военные успехи, эффективное использование современных средств коммуникации для вербовки боевиков и агрессивная пропагандистская кампания сделали ИГ не только прямым конкурентом «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове или талибов в Афганистане, но, говоря языком маркетинга, превратили ИГ в своего рода международный «исламистский бренд», за право на «франчайзинг» которого стали биться джихадисты по всему миру. В июле 2014 г. филиппинские джихадисты из движения «Абу Сайяф» («аль-Харакат аль-Исламия») объявили о своем присоединении к ИГ. В феврале 2015 г. йеменские джихадисты из группировки «Ансар аль-Шариа», ранее тесно связанной с «Аль-Каидой», в большинстве своем присягнули на верность ИГ. В марте 2015 г. их примеру последовали нигерийские радикалы из «Боко Харам». В августе 2015 г. духовное лидерство ИГ признало Исламское движение Узбекистана.

На сегодняшний день ИГ – самая крупная и быстро развивающаяся повстанческая организация в мире: в Сирии и Ираке ИГ контролирует территорию, по площади сравнимую с Австрией (примерно 110–112-е место среди международно признанных госу-

дарств), с населением более 8 млн человек [Gilsinanaug, 2014]. Проводя основные операции на территории Сирии, Ирака, Иордании и Ливана, с 2013 г. эмиссары ИГ активно действуют в зоне Персидского залива и на севере Африки (особенно – в Ливии и Египте), усиливая напряженность в регионе, который стал ареной соперничества и противостояния, во-первых, между ИГ и другими джихадистами (различными фракциями «Аль-Каиды»), во-вторых, между ИГ как суннитской организацией и шиитами, наконец, между ИГ и курдами.

В отличие от «Талибана», создавшего примитивное военно-теократическое государство, или «Аль-Каиды», которая разворачивала свою террористическую сеть «на безопасном удалении» – в Судане, Афганистане и Пакистане, ИГ создало трансграничное и транснациональное протогосударство. В рядах ИГ сражается несколько десятков тысяч человек со всего мира (по разным подсчетам, 80–100 тыс. человек), в том числе и из России (порядка 2 тыс., а по некоторым данным – существенно больше). ИГ осуществляет демонтаж существующей в регионе модели национально-государственного устройства и при этом обладает всеми атрибутами современного государства (военно-бюрократическим аппаратом, налоговой системой, своими законами и т.д.), за исключением международного признания и легального доступа к мировой экономике. ИГ пренебрегает существующими государственными границами, установленными после Первой мировой войны и распада Османской империи (на арабском Востоке эти границы всегда считались несправедливым наследием тайной дипломатии великих держав), заявляет о возрождении суннитской государственности на территориях, где действующая власть оказалась недееспособной.

До формирования международной коалиции, направленной на уничтожение ИГ как террористической угрозы мирового масштаба, ИГ/ИГИЛ представляло собой внутреннюю проблему Ирака, отчасти – Иракского Курдистана и Сирии. Специфика личного состава ИГИЛ (костяк организации сформировали бывшие солдаты и офицеры иракской армии времен Саддама Хусейна) определила основные направления деятельности группировки. Боевики ИГИЛ боролись против американской администрации и новых властей Ирака, которые вытеснили баасистов и прежнюю военно-

бюрократическую элиту, нарушив при этом баланс влияния этно-конфессиональных групп в иракском обществе в пользу шиитов.

ИГ сплотило в своих рядах двух главных противников Запада на Ближнем Востоке, с которыми коалиционные силы во главе с США боролись во время Иракской войны (2003–2011), – боевиков из «Аль-Каиды» и представителей свергнутого баасистского режима [Al-Tamimi, 2014 a; Al-Tamimi, 2014 b]. Их объединила не столько идеологическая близость (которая едва ли возможна), сколько стремление к власти и готовность добиваться ее любыми методами, а также осознание того, что международная коалиция против ИГ – это одновременно и серьезное препятствие, и ключ к успеху как важнейший фактор мобилизации сторонников.

Стремительный подъем ИГ во многом является прямым следствием осознания возможности добиться того, что прежде ни одно джихадистское движение не могло осуществить, – создать собственное теократическое государство, консолидировав в его рамках территорию сразу нескольких мусульманских стран (причем с возможностью эту территорию удерживать и расширять). Конечно, «Талибан» в свое время серьезно продвинулся в деле создания собственного государства (ввел правление шариата на территории Афганистана и создал свои институты власти, установил контроль над материально-финансовыми ресурсами региона, монополизировал функции применения насилия в Афганистане и т.д.), иными словами, делал в принципе то же, что в 2014–2015 гг. осуществляло в Ираке и Сирии ИГ. Однако между «Талибаном» и ИГ есть ряд существенных различий. Во-первых, поскольку «Талибан» натурализовался как влиятельная сила после фактической победы в гражданской войне на территории Афганистана, для него первостепенная задача заключалась в установлении порядка на территории Афганистана, особенно среди уставших от войны пуштунов, создание альтернативного государства на повестке дня не стояло. Во-вторых, «Талибан» – это прежде всего пуштунский проект, для которого обращение к мировой мусульманской умме не первично (хотя Мулла Омар и принял символический титул *амир аль-муминин* (повелитель правоверных) в 1996 г., его фактическая юрисдикция предполагала халифат над территорией Афганистана, а не всего мусульманского мира). Не было у «Талибана» и своей версии национализма или проекта нациестроительства, подобного тому что

предлагает ИГ. По сути, «Талибан» представлял собой религиозный и военно-политический проект завоевания конкретного государства – Афганистана. При этом «Талибан» продвинулся в вопросе международного признания (Саудовская Аравия, Пакистан, ОАЭ фактически признавали его власть в Афганистане), чего пока не имеет ИГ.

Другие, более молодые исламистские группировки, такие как «Аль-Шабаб» в Сомали, «Боко Харам» в Нигерии, «Ансар ад-Дин» в Мали, тоже провозгласили создание своих эмиратов, но низкий уровень общественной поддержки среди местного населения и малая эффективность в борьбе с внутренними и внешними врагами ставит под сомнение осуществимость их проектов. Не случайно большинство из этих группировок присягнули на верность ИГ, которому хватает и общественной поддержки, и успехов в борьбе с противниками.

Осмысление ИГ как проблемы для Запада

Проблема теоретического осмысления и практического анализа феномена ИГ прочно утвердилась в повестке дня специалистов по Ближнему Востоку по всему миру. Несмотря на кажущееся разнообразие подходов к выявлению природы трансформаций, наблюдаемых в разных странах после «арабской весны», и появления ИГ, среди них можно условно выделить две основные модели: первая концентрируется на внешних факторах, оказывающих определяющее воздействие на регион, для второй центральным тезисом является цикличность исторического процесса (параллели между сегодняшними проблемами Ближнего Востока и его прошлым).

Наиболее яркий пример первой аналитической модели – статья декана школы международных исследований Денверского университета и бывшего посла США в Ираке Кристофера Хилла «Конец арабского государства», в которой политические коллизии Ближнего Востока – рост этноконфессиональной напряженности, распад существующих межгосударственных границ – представлены как следствие американских интервенций [Hill, 2014]. Суть проблемы Хилл видит в распаде арабского национального государства и вырождении национальных идентичностей, которые вытесняются этноконфессиональным и групповым размежеванием, что неиз-

бежно погружает регион в состояние «войны всех против всех» [Hill, 2014]. Этноконфессиональные размежевания – не новое явление для стран региона, однако в условиях сильной центральной власти, как правило, удавалось сбалансировать разрозненные узкогрупповые идентичности единой общегражданской. В качестве аргумента Хилл приводит пример Ирака во время правления партии БААС и после американской оккупации и событий «арабской весны», которые разрушили хрупкий баланс политического единства и оживили застарелые этноконфессиональные конфликты.

Еще один пример использования первой модели – это так называемый постосманский синдром. В книге «Зыбучие пески: Раскрывая старый порядок на Ближнем Востоке» британский историк еврейского происхождения Ави Шлаим утверждает, что ход исторического процесса на Ближнем Востоке идет вспять и причины сегодняшних конфликтов необходимо искать в послевоенном мироустройстве и установлении Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, основы которой были заложены после Первой мировой войны Версальским мирным договором (1919) и соглашениями Вашингтонской конференции (1921–1922). Основной тезис Шлаима состоит в том, что сегодняшний политический хаос на Ближнем Востоке – прямое следствие имперской политики Великобритании и Франции, символом которой является тайный договор Сайкса–Пико о разделении Османской империи, разрушивший «старый порядок» на Ближнем Востоке [Shlaim, 2015].

Несколько иную точку зрения можно обнаружить в работах британского исламоведа индийского происхождения Салмана Сайида, считающего, что Ближний Восток стал ареной противостояния сторонников «постзападного миропорядка»¹ (т.е. пересмотра навязанной Западом региональной системы отношений) и тех, кто стремится сохранить status-quo [Sayyid, 2014, p. 7]. По мнению Сайида, Запад не стремится поддерживать политические режимы и правительства, которые пользуются поддержкой местного населения, поскольку не хочет видеть их суверенными и независи-

¹ О «постзападной цивилизации» в свое время писал С.Н. Юшенков, определяя ее как путь (на который человечество фактически уже ступило), представляющий собой сплав восточных и западных ценностей в поисках ответа на вызовы глобального характера [Юшенков, 2001; Постзападная., 2002].

мыми. Поэтому проблема не в демократии или ее продвижении на Ближнем Востоке, а в том, какой из режимов сможет эффективнее выступать проводником интересов Запада в регионе. Все это, с одной стороны, обрекает слабые государства на переход в разряд несостоявшихся (failed states), с другой – создает благоприятную среду для усиления радикальных группировок, подобных ИГ, влияние которых в последние годы стремительно росло.

Наиболее образно вторая аналитическая модель – модель исторических параллелей – представлена в статье Ричарда Хааса «Разваливающийся миропорядок» [Haass, 2014 b; Хаас, 2014]. Хаас предлагает рассматривать политический кризис на Ближнем Востоке – религиозную борьбу между конкурирующими традициями веры, конфликт между радикалами и умеренными, невозможность отличить гражданские войны от войн «по доверенности» – как повторение наиболее драматического эпизода европейской истории первой половины XVII в., т.е. как «новую Тридцатилетнюю войну» [Haass, 2014 a]. Фактически Хаас говорит о крушении нормативности Вестфальской системы – мира суверенных государств¹ – для Ближнего Востока, сравнивая самосожжение тунисского торговца фруктами Мухаммада Буазизи в 2010 г., после которого начались массовые волнения в Тунисе, с Пражской дефестрацией 1618 г., положившей начало Тридцатилетней войне. Действительно, волна «арабских революций» и эпоха нестабильности на Ближнем Востоке спустя пять лет после событий в Тунисе далека от завершения.

Европа XVII в. дала пример постепенной эволюции от перманентной конфликтности к Вестфальской системе международных отношений с ее идеей баланса сил и межгосударственных союзов, признания за каждым государством всей полноты суверенной власти на своей территории и устранением конфессионального фактора из политики. «Новый Ближний Восток», наоборот, дает пример своего рода инволюции – архаизации общественно-поли-

¹ Со времен знаменитой работы Ганса Моргентау «Политические отношения между нациями: Борьба за власть и мир» (1948) большинство политологов рассматривали Вестфальский мир как поворотную точку в истории Запада и современной мировой политики, поскольку сформулированный в нем принцип национального государственного суверенитета до сих пор остается одним из краеугольных камней международного права [Моргентау, 1997].

тической системы, для которой определяющей характеристикой становится социальная анархия, религиозные и гражданские войны. В итоге «Новый Ближний Восток» – это и государства, неспособные контролировать свою территорию, и ожесточенная борьба за лидерство между относительно сильными странами, и рост влияния внесударственных сил – ополченцев и террористических групп, – и стирание границ [Haass, 2014 a].

Профессор Мичиганского университета Мухаммад Айюб в своих оценках Ближнего Востока проводит исторические параллели с холодной войной, ведущейся сразу на двух фронтах: между Ираном и Саудовской Аравией на региональном уровне, и между США и Россией на глобальном [Ауооб, 2013; Ауооб, 2014]. Саудовская Аравия и Иран – это и религиозное противостояние (сунниты–шииты), и борьба за экономическое доминирование (конкуренция в сфере энергоресурсов), и конкуренция за региональное лидерство на Ближнем Востоке. Иран поддерживает режим Башара Асада в Сирии, «Хизбаллу», шиитское ополчение в Ираке, хуситов (шиитских повстанцев) в Йемене. В то время как саудиты, обеспокоенные ростом влияния Ирана в региональных делах, поддерживают сирийскую оппозицию, суннитов в Ираке, правительственные силы в Йемене. На глобальном уровне холодная война между США и Россией на Ближнем Востоке выражается американской поддержкой Саудовской Аравии и Израиля, с одной стороны, и фактической поддержкой Россией Ирана и режима Башара Асада – с другой.

Снижение дееспособности ближневосточных государств и его основные бенефициары

В феномене победного шествия ИГ можно увидеть следствие кризиса дееспособности власти в Сирии и Ираке и в целом в странах региона после «арабской весны». Дееспособность в данном случае – вполне объективная величина, отражающая возможности правительства поддерживать существование государства как жизнеспособной политической и экономической единицы, а также способность оказывать населению минимальный пакет критически необходимых «политических услуг»: гарантировать безопасность; поддерживать функционирование правовой системы и соблюде-

ние законов; обеспечивать инфраструктуру экономической деятельности; наконец, гарантировать – пусть и в минимальном размере – социальное обеспечение и политическое участие. От того, в каком объеме государство может обеспечить оказание «политических услуг» своему населению, напрямую зависит его характеристика как сильного, слабого или несостоявшегося [Rotberg, 2003]. Причем в этом смысле несостоявшимся может быть не только государство, но и нация, для которой существующий проект нациестроительства оказался нерелевантным, т.е. когда в обществе нарушается консенсус по вопросу культурных традиций, символов, исторического прошлого и т.д. В этих условиях создается благоприятная среда для конкуренции между разными национальными проектами, которые нацелены на замещение прежней национальной идентичности [State-building., 2005].

В научной литературе, посвященной проблеме несостоявшихся государств, выделяются две основные категории. В первом случае недееспособность государства не сопровождается отказом основной массы населения подчиняться установленным правилам, порядкам и решениям правительства, во втором – она становится эквивалентом полного коллапса системы управления, что позволяет говорить также о распаде нации [там же]. В ситуации несостоявшейся нации резко повышается уровень недовольства населения действующей властью. Это ведет к росту насилия и снижению уровня безопасности, что, как в замкнутом круге, влечет за собой дальнейшую эскалацию насилия. Распад нации приводит к резкому оттоку наиболее дееспособного населения и естественному кризису человеческого капитала, а положение неэмигрировавшего населения становится еще более удручающим. Разрушен общественный договор, государство окончательно утрачивает легитимность в глазах населения: государственный аппарат принуждения теряет монополию на применение насилия, и в этой сфере начинается соревнование между государственными и негосударственными вооруженными формированиями.

Рейтинг слабости государств (*Fragile states index*) определяет способность государств выполнять свои прямые обязанности – обеспечивать безопасность и благополучие граждан по 12 агрегированным показателям [Fragile., 2015, p. 7]. Первые семь – демографические проблемы (межэтническая конфликтность), неравно-

мерность экономического развития, бедность и экономическая нестабильность, доступность и качество социальных услуг, соблюдение прав человека, разобщенность элит и внешнее вмешательство (риски иностранного вмешательства в политические и военные конфликты, а также зависимость от внешнего финансирования) – характеризуют способность власти выполнять свои основные обязанности, т.е. жизнеспособность государства. Оставшиеся пять показателей – наличие недовольных групп, устойчивая эмиграция, утечка мозгов, делегитимизация государства, гипертрофированное влияние силовиков – квалифицируют не только состояние отношений власти и населения, но и жизнеспособность нации.

По своему уровню устойчивости государства Ближнего Востока находятся в группе высокого риска: Йемен (среднее значение по показателям – 8,97), Сирия (8,66), Ирак (8,33), Ливия (7,8), Египет (7,57), Ливан (6,91). С точки зрения устойчивости нации наихудшие показатели у Сирии (9,46) и Ирака (9,24), Йемена (9,06), Ливии (8,14), Ливана (7,94) и Египта (7,4) [подсчитано по: *Fragile...*, 2015, р. 35–38]. Все это говорит о серьезном кризисе национальной идентичности в этих странах, что способствует росту межгрупповой, межэтнической и межконфессиональной конфликтности – всего, на чем строило свой успех ИГ.

В известной работе Чарльза Тилли «Ведение войны и создание государства как организованное преступление» процесс создания государства включает в себя захват и удержание конкретной территории, извлечение источников доходов для финансирования властных институтов и военных структур и, наконец, создание системы управления для поддержания достигнутых результатов [Tilly, 1985]. В свою очередь, формирование нации требует воспитания чувства гражданственности – разделяемой всеми общей идентичности – в рамках создаваемого государства [Tilly, 1996].

Если проанализировать по этим четырем критериям – контролируемая территория, доходность, институционализация правления, воспитание гражданственности – правительства Сирии и Ирака, с одной стороны, и действующие на территории этих стран повстанческие группировки и внесистемные силы – с другой, то окажется, что ИГ по всем этим показателям опережает действующую власть в Ираке и Сирии. Территория ИГ до последнего времени расширилась, а с ее удержанием не возникало существенных

проблем, доходы из разных источников росли, механизмы институционализации власти не давали сбоев, а обаяние идеи «халифата» привлекало к ИГ сторонников не только из стран Ближнего Востока, но и со всего мира. Официальные власти Ирака и Сирии, напротив, последние два года сдавали позиции и в вопросе контроля территорий, и в экономике, и по эффективности правления, и по популярности среди населения. Помимо ИГ в условиях растущей нестабильности лишь курды смогли заметно укрепиться – это касается как курдского регионального правительства, так и курдского ополчения в Ираке и Сирии (за последние два года они продвинулись и с точки зрения контролируемой территории, и по популярности среди населения).

Безотносительно ситуативных побед и поражений успешность ИГ в построении своего государства и альтернативной модели нации напрямую связана со снижением дееспособности сирийских и иракских властей и распадом национального единства. Что касается курдов Ирака и Сирии, воюющих за создание собственного государства, – они укрепили свои позиции не только за счет кризиса иракской и сирийской государственности, но и вследствие своего активного участия в борьбе с ИГ. Курдским регионам на севере Сирии удалось завоевать фактическую независимость еще на начальном этапе гражданской войны, начавшейся в 2011 г. Иракский Курдистан (региональное правительство Курдистана) еще раньше – в 2000-х годах в ходе иракской войны – добился статуса единственного субъекта федерации в составе Ирака (никто больше – ни арабы-сунниты, ни арабы-шииты, ни другие группы – не получили подобных прав)¹. За последние годы и сирийские, и иракские курды смогли постепенно расширить контролируемые территории, причем отчасти вследствие нестабильности и слабости центрального правительства. С появлением ИГ и дальнейшей эскалацией нестабильности курды продолжили наращивать свое влияние. Яркий

¹ Весной 1991 г. Совет Безопасности ООН поддержал создание зоны безопасности на севере Ирака, в период с 1991 по 2003 г. иракские курды, пользуясь предоставленной автономией, смогли создать органы самоуправления, свое ополчение. В 2003–2006 гг. курды смогли законодательно закрепить свои права и свободы, получив статус субъекта федерации, базирующегося на трех провинциях – Сулеймания, Эрбиль и Дахук.

пример – Киркук, который был взят под контроль отрядами *пеш-мерга*¹ летом 2014 г. под предлогом активизации джихадистов [Parkinson, 2014]. В целом снижение дееспособности правительств в Ираке и Сирии и общий кризис государственности в регионе после событий «арабской весны» способствовали подъему курдского национализма [Solomon, Dombey, 2014].

Шиитские повстанческие группировки (как, например, базирующаяся в Ливане «Хизбалла»), в свою очередь, смогли усилить позиции, выступая на стороне иракского и сирийского правительств и устанавливая под этим предлогом контроль над рядом территорий при поддержке Ирана [Al-Tamimi, 2015]. В то же время суннитские повстанческие силы – «Джабхат ан-Нусра» и еще несколько влиятельных джихадистских группировок, действующих на севере Сирии, – сформировали «Исламский фронт» (2013), провозгласив правление шариата на захваченной и контролируемой территории. Этот проект протогосударства имел ряд сходств с ИГ, однако был узконаправленным как по географии (только на территории Сирии), так и по преследуемым целям (свержение режима Башара Асада, борьба с шиитами), а внешнее финансирование (в отличие от ИГ, обладающего собственными источниками доходов) делало его претензии на самостоятельность несостоятельными.

В Ираке большинство суннитских повстанческих группировок и племенных объединений не имеют достаточно ресурсов, да и желания для эффективной борьбы с ИГ (по разным причинам – некоторые из соображений солидарности с ИГ как суннитской группировкой, воюющей против правительства в Багдаде, другие – из-за того, что деятельность ИГ расколола их ряды) [Al-Tamimi, 2014 b]. Из-за ограниченности материальных, людских и идеологических ресурсов ни одна шиитская или суннитская группировка в Ираке и Сирии – до появления ИГ – не смогла запустить проект собственного государства.

Институциональные факторы подъема ИГ

Захват и удержание территории с последующим установлением монополии на применение силы – критически важный аспект

¹ *Курдские военизированные формирования в Иракском Курдистане.*

в создании нового государства. И в этом ИГ на начальном этапе своего существования преуспело. Возможности ИГ установить монополию на применение силы в границах подконтрольной территории базируются на четырех основных факторах: благоприятной региональной конъюнктуре (вакуум местной власти, общественная поддержка), организационных и военно-тактических возможностях, стратегически выверенном подборе целей (как с точки зрения территориальных захватов, так и с политической) и, наконец, на идеологической и религиозной мотивированности действий.

Важное конкурентное преимущество ИГ перед другими джихадистами – умение пользоваться слабостями своих противников и неустойчивостью местной власти, которое оттачивалось с момента создания в 2006 г. «Исламского государства Ирака» (ИГИ) – предшественника ИГ. Несмотря на военные поражения в 2007–2008 гг. от сил международной коалиции в Ираке и поддерживаемого правительством местного суннитского ополчения «Шахва», боровшегося с «Аль-Каидой», вывод коалиционных сил в 2009–2011 гг. способствовал не только укреплению боевого духа членов ИГИ, но и его возможностей рекрутировать в свои ряды новых сторонников на фоне ослабления иракской армии. С уходом американцев правительство Нури аль-Малики стало проводить более агрессивную антисуннитскую политику. Суннитских политиков систематически арестовывали, фактически отказывая им в возможности полноценного участия в политическом процессе, аналогичным образом сунниты выдавливались из системы государственной безопасности (были расформированы иррегулярные вооруженные группировки «Сыны Ирака» – отряды бывших боевиков-суннитов, перешедших на сторону нового правительства). Вычищались сунниты и из рядов регулярной иракской армии – как с рядовых, так и с командных постов. Причем нередко в ключевых провинциях Северного Ирака, таких как Мосул, командиры, обученные и назначенные на свои посты еще коалиционными силами, заменялись лояльными правительству офицерами-шиитами, из которых большинство не обладало ни необходимым боевым опытом, ни знаниями [Harvey, Pregent, 2014]. Столь недаленовидная политика правительства Нури аль-Малики, фактически подготовившая почву для ответного удара суннитских группировок, позволила ИГИ вербовать сторон-

ников среди разжалованных солдат и офицеров и тем самым значительно укрепляться организационно.

В Сирии все развивалось по схожему сценарию. Во время событий «арабской весны» и попыток режима Башара Асада подавить народные выступления острее репрессий оказалось направлено преимущественно против суннитских активистов, что неизбежно спровоцировало этноконфессиональные конфликты. Развертывание гражданской войны в 2011–2012 гг. позволило тесно связанной с ИГИ группировке «Джабхат ан-Нусра» во главе с Абу Мухаммадом аль-Джулани осуществлять противодействие правительственным силам сразу по нескольким фронтам. Четко и понятно сформулированные цели в виде свержения Башара Асада, стремление тесно сотрудничать с местным населением и определенные военные успехи прославили организацию и привлекли в нее достаточно большое количество джихадистов. Военные успехи «Джабхат ан-Нусры» и резкий рост ее престижа среди джихадистов вызвали беспокойство Абу Бакра аль-Багдади, который решил сыграть на опережение и провозгласил в апреле 2013 г. создание новой группы – «Исламского государства Ирака и Леванта» (исторической Сирии) – ИГИЛ, куда должна была влиться «Джабхат ан-Нусра». Аль-Джулани попытался опротестовать этот ход аль-Багдади, обратившись к главе «Аль-Каиды» Айману аз-Завахири, однако, несмотря на разногласия, ИГИЛ как магнит начало притягивать других джихадистов. ИГИЛ стало активно действовать на севере Сирии, перебрасывая в этот район основные силы, захватывая города и устанавливая свой контроль над территорией. Военные успехи ИГИЛ отчасти были обеспечены тем, что в его ряды перешло, по подсчетам разных исследователей, порядка 60–65% боевиков из «Джабхат ан-Нусры», и это дало серьезное преимущество в критически важных для ИГИЛ районах [Anjarini, 2013]. Гражданская война в Сирии способствовала организационному развитию и территориальной экспансии ИГИЛ, в конечном итоге – его превращению в ИГ со столицей в Ракке.

Военные неудачи в столкновении с коалиционными силами в 2007–2008 гг. в определенном смысле закалили ИГИ, задали вектор его эволюции в 2009–2013 гг. из террористической группировки в протогосударство с развитым административным и военно-бюрократическим аппаратом. Впоследствии это обеспечило трансфор-

мацию ИГИ в «халифат» ИГ с хорошо подготовленными военными и административными кадрами преимущественно из числа бывших баасистов [Barrett, 2014, p. 19, 24–25; Lister, 2014, p. 19; Giustozzi, 2008, p. 7], децентрализованной системой руководства и принятия решений с чрезвычайно жесткой дисциплиной [Fishman, 2011, p. 9–10] и мощной религиозно-пропагандистской машиной [Lister, 2014, p. 10].

Во многом по причине давления со стороны коалиционных сил ИГИ превратилось в организацию, способную к внутренней эволюции, переустройству и трансформации в столь эффективную военную структуру, как ИГ образца 2014–2015 гг.¹ ИГ обладает практически всеми характеристиками профессиональных вооруженных сил со сложной иерархией командования и соподчинения, разветвленным бюрократическим аппаратом [Giustozzi, 2008, p. 14–16]: гибкая система военного руководства, способная адаптироваться к изменяющимся внешним условиям; дисциплинированные кадры с большим боевым опытом; система непрерывного рекрутирования новобранцев; механизмы воспитания и поддержания высокого боевого духа и морально-психологического состояния рядового состава; хорошо организованная логистика; возможности выплачивать конкурентоспособное по размеру содержание для личного состава и ветеранов, а также пенсии для вдов и сирот погибших бойцов; лагеря интенсивной религиозно-идеологической индоктринации и военной подготовки. Эти факторы обеспечили военно-тактические успехи ИГ и эффективность его военных операций.

Потерпев поражение от коалиционных сил в Ираке на начальном этапе своего существования, ИГИЛ за счет успешной экспансии в Сирии смогла нарастить свои военные силы, вернуться в Ирак и создать многочисленную регулярную армию, по численности и боеспособности превосходящую не только любые другие пов-

¹ О том, насколько сильно фактор военного соперничества влияет на становление государства и развитие в нем сложной военной организации, говорил еще Чарльз Тилли в работе «Ведение войны и создание государства как организованное преступление» [Tilly, 1985].

станческие группировки, но и вооруженные силы Ирака¹. Количество боевиков ИГИЛ в Сирии летом 2013 г. оценивалось в 3–5 тыс. [Guide., 2013; Lister, 2013], общая численность вместе с действующими на территории Ирака – около 10 тыс. [Sciutto, Crawford, Carter, 2014]. Летом 2014 г. после захвата большей части Северного Ирака и провозглашения «халифата» численность регулярной армии ИГ составляла, по разным подсчетам, уже от 20 тыс. до 30 тыс. [там же]. Только за шесть месяцев после провозглашения «халифата» к ИГ присоединилось более 15 тыс. иностранных добровольцев [Ross, 2014].

Ориентированность на территориальную экспансию, которая стала отличительной чертой ИГ, тоже была унаследована у ИГИ, когда эта организация еще выступала ячейкой «Аль-Каиды» в Ираке². Причем в своих методах ИГИ также отдавало предпочтение жестким расправам над соперниками, конкурирующими этническими и конфессиональными группами (курдами, езидами, иракскими шиитами), старалось установить свой контроль над районами и т.д. Схемы поддержания власти ИГ над захваченными территориями восходят к ИГИ, которое устраивало свои базы по границе провинции Анбар, входящей в «суннитский треугольник», устанавливало контроль над линиями коммуникации и каналами снабжения сирийских провинций, тактически окружало Багдад [Rogio, 2014].

Тем не менее ИГ существенно усовершенствовало тактику ИГИ и других своих предшественников, адаптируя ее под расширившиеся военные возможности и амбиции в построении своего

¹ Накануне гражданской войны сирийские вооруженные силы насчитывали более 300 тыс. личного состава. За годы войны численность, по разным подсчетам, сократилась на 30–50% и составила на 2015 г. около 150–200 тыс. Численный состав иракских вооруженных сил всех родов вместе со спецслужбами – более 400 тыс. человек (по официальным данным), по факту после экспансии ИГИЛ на территорию Ирака – не более 80 тыс. активного состава [Westall, 2014].

² В 2005 г. было опубликовано письмо лидера «Аль-Каиды» Аймана аз-Завахири к руководителю «Аль-Каиды» в Ираке Абу Мусабу аз-Заркави, в котором описывается план на ближайшее будущее, согласно которому «Аль-Каида» сначала должна вытеснить из Ирака коалиционные силы, установить в стране исламистский режим, а затем перенести «джихад» на территорию соседних арабских стран, включая Египет, Ливан и Сирию [Jehl, 2005].

государства и «всемирного халифата». В выборе целей ИГ стало действовать очень прагматично и выверенно: стратегически важные районы и транзитные коридоры, городские центры, богатые ресурсами регионы (их захват обеспечивал ИГ приток новых финансовых ресурсов, повышение престижа в глазах сторонников и местного населения, а также укрепление символической легитимности)¹. Стратегия ИГ по установлению контроля над новыми территориями в Ираке и Сирии включала поэтапное ослабление противника, подавление местных сил безопасности и разжигание этноконфессиональных конфликтов.

ИГ активно применяет тактику истощения противника, обходные маневры во время боевых действий, дискретные атаки и массированные удары по противнику (как во время захвата Ракки или атаки на Кобани). Для деморализации командования войск противника и подрыва его морального духа ИГ широко использует террористов-смертников и методы информационной войны, для захвата стратегических пунктов применяет атаки малыми группами по обезвреживанию численно превосходящих сил противника (как это было в случае со взятием Мосула в июне 2014 г.). Сочетание разных тактик ведения боевых действий и военных кампаний, которое демонстрирует ИГ, сделало чрезвычайно сложным отвоёвывание захваченных ИГ территорий армией Сирии и Ирака в ходе операций на земле и авиаударов международной коалиции с воздуха. Осложняет борьбу с ИГ и децентрализованный характер его военного командования, который позволяет в случае военных поражений действовать автономными разрозненными группами.

Другая важная отличительная особенность ИГ состоит в стратегии расширения за счет внутренних ресурсов. Если большинство других джихадистских группировок выстраивали отношения с близкими по идеологии и целям организациями на принципах кооперации и взаимодействия, старались заручиться прямой поддержкой населения, ИГ действует иначе, опираясь на жестокость, аналогичную той, которую оно применяет к внешним врагам,

¹ При Харуне ар-Рашиде Ракка была формальной столицей Аббасидского халифата на краткий промежуток времени (на рубеже VIII и IX вв.). Символичность захвата этого города и превращения его в столицу стали очевидны, когда спустя год после его захвата был провозглашен «халифат» [Barrett, 2014, p. 36].

и авторитарный характер своей власти. Для обеспечения лояльности конкурирующих джихадистских группировок, непокорных племен и сопротивляющегося местного населения ИГ использует военную силу, угрозы и политическое давление, прямой обман и т.д. Отрицая необходимость построения коалиций с другими джихадистами, ИГ сделало упор на религиозный императив, который заключает в себе идею построения «всемирного халифата», и на военные успехи как показатель «религиозного предопределения»¹. Все это сочетается с крайней жестокостью ИГ на местах – за первые полгода существования ИГ как «халифата» было казнено более 2 тыс. человек в Сирии, включая 81 боевика из «Джабхат ан-Нусры» и других неподчинившихся джихадистских группировок, а также более 930 членов племени аль-Шайтат в районе сирийского города Дьер эз-Зор [About 2000 people..., 2014].

Для поддержания духа внешней экспансии ИГ серьезно озабочено вопросами рекрутирования и индоктринации новых сторонников (воинской повинности для местного населения и вербовки боевиков со стороны). Разнообразные методы принуждения и распределения ответственности обеспечивают военную эффективность ИГ в широкомасштабных операциях и возможность успешно противостоять внешним угрозам [Giustozzi, 2008, p. 8]. Важно, что наряду с методами прямого и косвенного принуждения – публичных телесных наказаний и казней² – ИГ широко применяет вполне современные приемы – назначает своим бойцам фиксированное денежное содержание, воспитывает в них понятия «групповой солидарности», поощряя формирование хорошо тренированных малых боевых групп [там же, p. 15].

ИГ удалось сформировать широкий круг религиозно и политически мотивированных сторонников, которые при этом крайне эффективны как военная сила. Военная структура ИГ, как и другие его общественные и властные институты, идейно и религиозно ориентирована, а рядовые боевики ИГ мотивированы не столько корыстными, сколько идейными интересами [там же, p. 16].

¹ На Ближнем Востоке при этом успешно культивировался общественный дискурс – ИГ побеждает, поскольку имеет божественный мандат.

² Только за полгода после провозглашения «халифата» ИГ казнило порядка 120 своих боевиков за попытки вернуться домой [Taylor, 2014].

Экзальтированная набожность и истовая верность «халифату» ИГ, готовность к самопожертвованию – все это крайне важно для поддержания религиозно-идеологического единства в рядах ИГ.

В армии ИГ, по контрасту с вооруженными силами Сирии и Ирака, продвижение по службе основано на принципах меритократии и зависит от проявленных способностей и личных качеств [Giustozzi, 2008, p. 7], тем самым обеспечивается кадровая эффективность и компетентность военного руководства – еще один фактор успеха ИГ. В отличие от «Талибана», в рядах которого были в основном малообразованные боевики, не имевшие ни серьезного боевого опыта, ни военно-технических знаний, ИГ, костяк которого составили бывшие баасистские военные с хорошей подготовкой и навыками армейского командования, подобного кадрового кризиса не испытывает [там же, p. 17]. Все это позволило ИГ создать современную мусульманскую армию с высокой внутренней дисциплиной.

Однако в военной стратегии ИГ есть немало уязвимых мест. Нацеленность на постоянную территориальную экспансию сама по себе таит опасность для жизнеспособности ИГ. Во-первых, лояльность воюющих за ИГ суннитских племен Ирака или боевиков «Джабхат ан-Нусра» – величина переменная, во многом зависящая от того, насколько ИГ удастся сохранять имидж непобедимой силы. Во-вторых, местное население на завоеванных территориях, из которого формируются новые сторонники, также может изменить свое отношение к ИГ в случае существенных колебаний в балансе военных успехов и поражений. Это вполне может вызвать лавинообразные протесты против ИГ. Наконец, как показал случай с уничтожением одного из командующих ИГ Абу Сайяфа в мае 2015 г., удары по верховному командованию ИГ могут серьезно ослабить группировку. Наконец, созданные ИГ институты власти и социального обеспечения могут быть эффективны в условиях постоянной экспансии и «джихада», однако в перспективе долговременного существования они потребуют коренной ревизии либо из конкурентного преимущества станут фактором системного кризиса (опыт взлета и падения последнего халифата – Османской империи – показывает, насколько сложно осуществить такой переход).

Вызовы западной модели государственного устройства

Захват ИГ значительной части территории Сирии и Ирака фактически показал, что национально-государственный суверенитет как основополагающий принцип современной мировой политики требует ревизии – отхода от государственно-центричной трактовки суверенитета к понятию множественности суверенитета в рамках одного государства. Примерами множественности суверенитета может служить не только усиление ИГ, но и появление негосударственных армий и вооруженных группировок на Ближнем Востоке, которые стали успешно оспаривать монополию государства на применение насилия. Все это привело к возникновению на Ближнем Востоке гибридных государственных институтов.

В 1920-е годы ближневосточные государства – Турция, Ирак, Египет, Иордания и др. – с большим воодушевлением позиционировали себя как успешные государства-нации, в которых территориальная целостность и территориальный суверенитет сочетаются с национальным единством – единением общества и государства, обосновываемым в местных националистических идеологиях. Эти страны в целом активно стремились внедрить у себя западную модель общества и государства [Fromkin, 1989]. Так или иначе большинство ближневосточных стран смогли утвердиться в роли независимых государств через международное признание их суверенитета [Jackson, 1993]. Однако «арабская весна» поставила под сомнение релевантность устоявшейся авторитарной государственно-центричной модели внутреннего суверенитета, не учитывающей индивидуальные и общественные представления о справедливом порядке на Ближнем Востоке [Bull, 1971; International..., 2009]. В свою очередь, в проекте политического устройства «халифата» ИГ предложило решение ключевых проблем западной модели государственности – незавершенности проекта нацистроительства (ИГ отрицает идею нации как таковую) и дефицита легитимности и суверенитета (легитимность в халифате исходит от Аллаха, а суверенитет – это право управлять всей мусульманской уммой) [Кузнецов, 2015].

Со времен Вестфальского мира принцип суверенитета играл системообразующую роль для современного правопорядка и международных отношений, которые должны были осуществляться на

принципах признания равенства суверенитетов [Caporaso, 2000]. Сам по себе этот принцип существовал в двух измерениях: как внутренний и внешний суверенитет. События 2000-х годов дали основания говорить, что на Ближнем Востоке внешний и внутренний суверенитет существующих государств поставлен под сомнение. На внутригосударственном уровне об этом свидетельствуют проблемы в экономике, административно-политической системе и обеспечении безопасности, с которыми национальные правительства оказываются неспособны справиться. На внешнеполитическом уровне – это не только регулярные интервенции со стороны США и НАТО, но и неспособность региональных международных организаций, таких как ЛАГ, ОИС или ССАГПЗ, эффективно выполнять функции инструмента разрешения межгосударственных конфликтов и обеспечения безопасности в регионе, что хорошо видно на примере непрекращающейся гражданской войны в Сирии и Ливии, социальной нестабильности в Египте и Ираке. Отсутствие эффективных механизмов для поддержания стабильного «регионального порядка» подталкивает страны к односторонним действиям или краткосрочным союзам, что само по себе не решает проблему дестабилизации региона, а лишь ее усугубляет.

Одно из наиболее явных следствий дефицита и даже вакуума власти в ряде стран Ближнего Востока после «арабской весны» – это появление негосударственных вооруженных формирований, активность которых подрывает государственные институты, идеологии национального развития и экономику стран региона. Кризис региональной безопасности, возникший как следствие «арабской весны» (военный переворот в Египте 2013 г., непрекращающаяся гражданская война в Сирии), привел к тому, что вместе с ослаблением межгосударственных границ изменился и характер конфликтности, для которой на передний план выходят противоречия между социальными, этническими и конфессиональными группами (противостояние шиитов и суннитов, курдов и турок), а не государствами. ИГ – яркий пример такого негосударственного вооруженного формирования [Hazbun, 2015], которое изменило региональный порядок на Ближнем Востоке: существующие национальные границы оказались разрушены и в рамках ранее единых государств стали появляться национальные автономии по модели иракских курдов; волны мигрантов из охваченных гражданской

войной областей хлынули в соседние с Ираком и Сирией государства и страны ЕС; растущая популярность «халифата» ИГ вызвала феномен «новой хиджры» – миграции из разных стран желающих присоединиться к воинам «нового халифата» [Kardaş, Özdemir, 2014; Hegghammer, 2011].

Если рассматривать феномен ИГ с точки зрения эволюции института государства и механизмов власти, то история его успеха – это демонстрация возможностей того, как в современном мире можно оспаривать монополию существующих в регионе государств на применение военной силы, на территориальный суверенитет и конструирование национальных идеологий. Важно также, что феномен ИГ – это не только следствие дестабилизации региона Ближнего Востока или геостратегический проект, но и социологический феномен [Lia, 2015]. Провозглашение ИГ идеи создания «халифата» нельзя воспринимать в категориях исключительно архаизации политической реальности. Хотя большинство политиков и специалистов в области безопасности характеризуют ИГ как «варварское образование» или «средневековое государство», некоторые ученые небезосновательно увидели в феномене ИГ черты «революционного государства» [Walt, 2015]. Несмотря на то что в общественном дискурсе ИГ ассоциируется прежде всего с жестокими террористическими атаками и публичными казнями, оно представляет собой эксперимент в построении альтернативной модели государства и нации, выстраивая на территории Сирии и Ирака свои институты власти, бюрократический аппарат, систему социального обеспечения и налогообложения, с помощью которых оно демонтирует существующие общественные порядки и государственное устройство [Gambhir, 2015].

В этом смысле ИГ представляет собой революцию против нормативности западной государственности и общественного устройства, которая последовательно внедрялась на Ближнем Востоке после Первой мировой войны.

В подобном значении понятие «антизападной революции» восходит к работам Хедли Булла [Bull, 1985, p. 220–224], использовавшего его при описании борьбы бывших колоний против доминирования Запада в мировой политике – против монополии на оп-

ределение соответствия других обществ универсальным критериям «западного сообщества государств».

Хедли Булл выделял пять этапов, или уровней, «антизападных революций» в XX в. На первом – шла борьба за международное признание (правовую легитимность). Наиболее ярко этот этап прошли Турция, Египет, Япония, Китай, которые добились восстановления и признания формальной независимости, но при этом продолжали рассматриваться как «подчиненные» по отношению к Западу страны. Второй этап – политический, когда бывшие колонии требовали не только признания равноправия государств *de jure*, но и свободы от политического доминирования бывших метрополий *de facto*. Третий уровень – расовый, борьба за отмену рабства и отказ от примата превосходства «белого человека». Четвертый уровень – экономический, противостояние западному доминированию в мировой экономике. Наконец, пятый этап – это «антизападная революция» в сфере культуры, выразившаяся в противостоянии западному культурному ориентализму: универсализации либерального понимания прав человека, принципов «хорошего управления» и т.д. Первые четыре фазы «антизападной революции», по Х. Буллу, хотя и были направлены против Запада и его доминирования, активно эксплуатировали западные концепции свободы, равенства, справедливого порядка, – тем самым по своей сути они представляли социально-политическую вестернизацию (отчасти это обуславливалось тем, что местные элиты, которые находились в авангарде политического процесса, были воспитаны в лоне западной культуры и ориентировались на западную цивилизацию). При этом в пятом уровне «антизападной революции» Х. Булл видел фундаментальные отличия, поскольку она становилась революцией «против западных ценностей как таковых» [Bull, 1985, p. 223] и, соответственно, ее последствия вели к росту конфликтности и разобщенности.

Феномен «Аль-Каиды» можно считать следствием пятой фазы «антизападной революции» – противодействием гегемонии Запада в мировой политике. Однако, несмотря на масштабные теракты (в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., в Мадриде 11 марта 2004 г. и в Лондоне 7 июля 2005 г.), влияние «революции» «Аль-Каиды» на трансформацию международной системы и доминирование в ней Запада оказалось незначительным. В этом ключе появление ИГ можно

рассматривать как новый этап антизападной революции на Ближнем Востоке, нацеленный на демонтаж западной модели государственного и общественного устройства, девальвацию ценностей либеральной политической культуры и слом западноцентричной системы международных отношений. Последствия новой фазы антизападной революции для будущего международного сообщества могут быть гораздо серьезнее и драматичнее, чем это было характерно для всех предшествующих ее этапов.

Во-первых, ИГ отвергает право государства и его секулярных институтов на формулирование общепризнанных «правил игры», утверждая теократический принцип правления и теологические источники права. Парадоксально, что ИГ, с одной стороны, на идеологическом уровне стремится создать новый региональный порядок, в рамках которого границы между государствами должны быть прочерчены, исходя из религиозной идентичности, с другой – задумывается о признании в качестве полноправного субъекта международного сообщества [Bielat, 2015].

Во-вторых, ИГ формулирует свое понимание международных отношений и миропорядка вне рамок традиционного западного сообщества государств. ИГ позиционирует себя как «глобальное государство», обращаясь к населению разных стран по всему миру, не ограничивая ареал распространения своей радикальной идеологии и альтернативных моделей общественного и государственного устройства [McCants, 2015, p. 100]. Трактовка исламской цивилизации ИГ – это модель мира с центром в виде ИГ и с периферией, которая представляется в рамках традиционного деления на «мир ислама» (*Дар аль-ислам*) и «мир войны» (*Дар аль-харб*) [Hansen, Mesøu, 2009, p. 317–320; Вайс, Хасан, 2016, с. 23]. Неприемлемы для ИГ и принцип невмешательства (основополагающий для современного международного права), и секуляризм (отличительная черта западной модели современного государства). ИГ предлагает альтернативные парадигмы войны и дипломатии. Так, ведение войны для ИГ – это не есть «продолжение политики только иными средствами», в известной формуле Карла фон Клаузевица [Клаузевиц, 2007, с. 30], когда целью любой войны является мир на условиях, благоприятных для победившей стороны. ИГ не использовало ни атаку на редакцию «Шарли Эбдо» в Париже (7 января 2015 г.) [Özdemir, 2015] и последующие многочисленные одиноч-

ные теракты, ни взрывы в Анкаре, унесшие жизни 102 человек (10 октября 2015 г.), ни массовые теракты в Париже, где число погибших превысило 130 человек (13 ноября 2015 г.), для предъявления ультиматумов или дипломатических требований, т.е. всего того, что характерно для традиционной парадигмы «войны как продолжения политики».

В-третьих, ИГ предлагает свой вариант геополитики, который Уильям Маккантс в своей книге «Апокалипсис ИГИЛ» назвал «эсхатологическим» [McCants, 2015]. Провозглашение «халифата» ИГ в июне 2014 г. означало начало ревизии устоявшихся границ между арабскими государствами Ближнего Востока и их реформирование по линиям этноконфессионального размежевания. Причем ИГ представляло это не как сецессию или банальный передел земли, а как внедрение альтернативной модели суверенитета – не этнотерриториального, а «религиозно-политического» [McElroy, 2014]. Тем самым ИГ осуществляло символический демонтаж основ Версальско-Вашингтонского порядка, установление которого означало крушение последнего халифата – Османской империи [Sennott, 2014].

Эсхатологическая геополитика ИГ предполагает не только борьбу с «врагами халифата» на Западе, но и с мусульманами, которые не вписываются в парадигму радикального суннитского ислама (для обоснования этих подходов в риторике ИГ используются специально подобранные фрагменты религиозных текстов). Иными словами, хотя ИГ и стремится позиционировать себя в рамках традиционного «столкновения цивилизаций», при котором роль главного и непреходящего врага отводится Западу, «география врагов» ИГ оказывается существенно шире. ИГ заявляет о себе как об истинном представителе «исламского джихада», для которого насилие – норма политического бытия, особенно в отношениях с противниками – будь то государства или конкурирующие повстанческие группировки [Walt, 2015].

Особенно рельефно эсхатологическая геополитика ИГ проявляется в «бинарной топонимике» – накладывании коранических пророчеств на сегодняшнюю реальность – захваченные города, места сражений и т.д. (в подтверждение важной для вербовки новобранцев идеи близкого конца света) [Berger, 2015]. Например, современный сирийский город Дабик стал у ИГ кораническим Да-

биком, с которым связан известный *хадис* о мусульманском Малахите (аналог Армагеддона): «Последний час (истории) не придет, пока римляне не высадутся или в аль-Амаке, или в Дабике» [McCants, 2015, p. 98]. Не случайно свое сетевое издание идеологи ИГ назвали «Дабик». Для ИГ эта «бинарная топонимика» и использование коранической географии крайне важны с точки зрения ревизии регионального порядка на Ближнем Востоке, соотнесения его с традиционными исламскими концепциями размывания национально-государственных идентичностей. Стратегия коранической текстуализации объектов территориальной экспансии ИГ служит обоснованием онтологического статуса ИГ как единственного борца за ислам.

В-четвертых, ИГ отрицает саму идею международного сообщества в западноцентричном его понимании, поскольку опирается не на модель суверенного национального государства, а на заложенную в исламе концепцию *уммы*, т.е. сообщества мусульман, в рамках которого отсутствуют межэтнические или межгосударственные границы [Наумкин, 2006]. ИГ не только утверждает отсутствие разделения политики и религии, как в идеальной для него модели государства времен праведных халифов (632–661) [Saikal, 2008], но и предлагает альтернативные модели государственности, где суверенитет принадлежит не нации, а мусульманской *умме*¹. Создавая свой «халифат» в «коранических границах», ИГ игнорирует принципы территориальной целостности существующих государств и их территориальный суверенитет [Mecham, 2015], тем самым демонстрируя свое отношение к западной системе суверенных государств на Ближнем Востоке – как к наносному явлению, не соответствующему исламской доктрине. Символическим подтверждением отрицания западной модели национальной государственности и гражданства служит показное сожжение иностранцами своих паспортов, после того как они присоединились к ИГ [French., 2014; Wyke, 2014]. Сжигание удостоверений личности – это отказ от

¹ Умма не эквивалентна нации в примордиалистской («биологической») трактовке, как объединения «по крови», поскольку не является природным феноменом. Однако умму нельзя отнести и к категории «воображаемого сообщества» Бенедикта Андерсона, так как ее формирование не есть продукт социально-экономического развития общества.

существующих маркеров национальной и государственной идентичности. Тем самым ИГ восстает против основ международного сообщества, как его определяли классики английской школы международных отношений – международного права, государственного и территориального суверенитета, равенства стран и индивидуальных свобод.

По многим параметрам ИГ не вписывается в модель современного государства – члена международного сообщества, однако его нельзя считать «средневековой сущностью». ИГ на подконтрольных территориях развивает вполне современные институты власти и социального обеспечения, облекая их в религиозные или квазирелигиозные формы (центры *дауа*¹, институты шариата, департамент мусульманских услуг и т.д.). Синтезируя элементы современного западного национального государства и исламской традиции, ИГ постулирует единство религиозной сферы и общественной жизни во всей ее совокупности, осуществляет десекюляризацию политики. Все это придает ИГ модернистский и даже постмодернистский характер, заставляет искать параллели с эпохой террора Великой французской революции или политикой германского нацизма [McDonald, 2014].

Успех ИГ в установлении контроля над территориями, ранее входившими в состав суверенных стран, – это не только эксперимент в построении новой модели государственности, но и попытка установить на Ближнем Востоке нормативность гражданского противостояния, которая обеспечивается появлением многочисленных повстанческих вооруженных формирований, активизацией этноконфессиональной и социально-групповой конфликтности. Борьба курдов против ИГ, суннитов против шиитов, курдов против суннитов, хуситов против суннитов, турок против курдов и т.д. – все это говорит о том, что нормативность гражданской войны становится отличительной чертой регионального порядка на Ближнем Востоке. Прямым следствием становится появление государственных образований нового формата – это не только ИГ, но и, например, курдская автономия на севере Сирии с советской систе-

¹ *Дауа* (или *дават*, араб. *da'wa*) буквально означает «призыв, приглашение», т.е. проповедь, миссионерство. В данном контексте *дауа* – это специальные мероприятия, которые проводит ИГ для привлечения в число своих сторонников новых членов.

мой власти [Aras, Falk, 2015, p. 327]. Примат насилия и политика этноконфессиональной или социально-групповой исключительности замещает нормативность права и элементы правового государства. Эксперименты с поиском новой государственности уже привели к фактическому распаду Сирии, Ирака, Ливии, Йемена. Для населения этих стран государство и центральная власть утратили важнейшую функцию – оказались неспособны обеспечивать безопасность своих граждан, что на фоне бурного развития повстанческих и джихадистских группировок и появления негосударственных армий стимулировало формирование на местном уровне народных ополчений, берущих на себя задачи обеспечения безопасности в рамках области, района, селения и т.д. На такое «самообеспечение безопасности» перешли курды и туркмены в Ираке. Аналогичные процессы «микрорегионализации» наблюдаются в Сирии, Ливии, Йемене.

Так, «арабская весна» и восхождение ИГ стали очередным примером экспериментов с синтезом блистательного исторического прошлого (от построения мировых империй и священных войн до этноконфессиональных конфликтов в формате «всех против всех») и «цивилизации модерна», заставляющих Ближний Восток то сближаться с «мировым сообществом», то бороться против него.

Список литературы

Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: Армия террора. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 346 с.

Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.

Кузнецов В. ИГ – альтернативная государственность? // Россия в глобальной политике. – М., 2015. – № 5, 13.10. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/IG--alternativnaya-gosudarstvennost-17739> (Дата обращения – 28.01.2016).

Моргентау Г. Политические отношения между нациями: Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. – М., 1997. – № 2. – С. 189–201.

Наумкин В.В. Ислам как коллективный игрок? // Международные процессы. – М., 2006. – Т. 4, № 1 (10), Январь–апрель. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/tenth/004.htm> (Дата обращения – 28.01.2016).

Постзападная цивилизация. Либерализм: Прошрое, настоящее и будущее / Под ред. С.Н. Юшенкова. – М.: Минувшее, 2002. – 438 с.

Хаас Р. Разваливающийся миропорядок: Как реагировать на анархию в мире? // Россия в глобальной политике. – М., 2014. – № 6, 17.12. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/razvalivayuschisya-miroporyadok-17194> (Дата обращения – 28.01.2016).

Юшенков С.Н. Постзападная цивилизация: Путь для России и всего человечества // Демократический выбор. – М., 2001. – 2–8 августа, № 31 (263). – С. 3. – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/oborg/2_17/article.php?art=16 (Дата обращения – 28.01.2016).

About 2000 people killed by the Islamic State since the establishment of «caliphate» // Syrian observatory for human rights. – Coventry, 2014. – 28.12. – Mode of access: <http://www.syriahr.com/en/?p=8457> (Дата обращения – 28.01.2016).

Al-Tamimi A.J. Iraq crisis: Key players in Sunni rebellion // BBC. – L., 2014 a. – 01.07. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-28053496> (Дата обращения – 28.01.2016).

Al-Tamimi A.J. State of war: The Iraqi Sunni actors taking on the Islamic State // Pundicity. – 2014 b.-02.11. – Mode of access: <http://www.aymennjawad.org/15607/state-of-war-the-iraqi-sunni-actors-taking-on> (Дата обращения – 28.01.2016).

Al-Tamimi A.J. The return of Iraqi Shi'i militias to Syria // Middle East institute. – Wash., 2015. – 16.03. – Mode of access: <http://www.mei.edu/content/at/return-iraqi-shi%E2%80%98i-militias-syria> (Дата обращения – 28.01.2016).

Anjarini S. The evolution of ISIS // Al-Monitor. – Wash., 2013. – 01.11. – Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/security/2013/11/syria-islamic-state-iraq-sham-growth.html> (Дата обращения – 28.01.2016).

Aras B., Falk R. Authoritarian «Geopolitics» of survival in the Arab Spring // Third World Quarterly. – Abingdon: Taylor & Francis, 2015. – Vol. 36, Issue 2. – P. 322–336.

Ayoob M. The new cold war in the Middle East // The National Interest. – Wash., 2013. – 16.01. – Mode of access: <http://nationalinterest.org/commentary/the-new-cold-war-the-middle-east-7974> (Дата обращения – 28.01.2016).

Ayoob M. Will the Middle East implode? – Cambridge: Polity press, 2014. – 208 p.

Barrett R. The Islamic State / The Soufan Group. – N.Y., 2014. – 66 p. – Mode of access: <http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2014/10/TSG-The-Islamic-State-Nov14.pdf> (Дата обращения – 28.01.2016).

Berger J.M. The metronome of apocalyptic time: Social media as carrier wave for millenarian contagion // Perspective on terrorism / Univ. of Massachusetts Lowell. – Lowell, MA, 2015. – Vol. 9, Issue 4. – P. 61–71.

Bielat H.L. Islamic State and the hypocrisy of sovereignty // E-International relations. – 2015. – 20.03. – Mode of access: <http://www.e-ir.info/2015/03/20/islamic-state-and-the-hypocrisy-of-sovereignty/> (Дата обращения – 28.01.2016).

Bull H. Order vs. justice in international society // Political studies. – Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 1971. – Vol. 19, Issue 3. – P. 269–283.

Bull H. The revolt against the West // The expansion of international society / H. Bull, A. Watson (Eds.). – N.Y: Oxford univ. press, 1985. – P. 217–228.

Caporaso J.A. Changes in the Westphalian order: Territory, public authority, and sovereignty // International studies review. – Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2000. – Vol. 2, Issue 2. – P. 1–28.

Designated foreign terrorist organizations // U.S. Department of State. – Wash., 2016. – Mode of access: <http://www.state.gov/j/ct/rls/other/des/123085.htm> (Дата обращения – 28.01.2016).

Fishman B. Redefining the Islamic State: The rise and fall of Al Qaeda in Iraq / New America foundation. – Wash., 2011. – 24 p. – Mode of access: https://static.newamerica.org/attachments/4343-redefining-the-islamic-state/Fishman_Al_Qaeda_In_Iraq.023ac20877a64488b2b791cd7e313955.pdf (Дата обращения – 28.01.2016).

Fragile states index 2015 / Messner J.J., Haken N., Taft P., Blyth H., Lawrence K., Graham S.P., Umaña F. – Wash.: Fund for peace, 2015. – 40 p. – Mode of access: <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2015.pdf> (Дата обращения – 28.01.2016).

French ISIS fighters burn their passports // The Guardian. – L., 2014. – 20.11. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/world/video/2014/nov/20/french-isis-fighters-burn-passports-video> (Дата обращения – 28.01.2016).

Fromkin D. A peace to end all peace: Creating the modern Middle East, 1914–1922. – N.Y.: H. Holt, 1989. – 636 p.

Gambhir H. ISIS's global strategy: A wargame // Middle East security report / Institute for the study of war. – Wash, 2015. – N 28 (July). – 31 p. – Mode of access: <http://understandingwar.org/sites/default/files/ISIS%20Global%20Strategy%20--%20A%20Wargame%20FINAL.pdf> (Дата обращения – 28.01.2016).

Gilsinanaug K. The many ways to map the Islamic «State» // The Atlantic. – Wash., 2014. – 27.08. – Mode of access: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2014/08/the-many-ways-to-map-the-islamic-state/379196/> (Дата обращения – 28.01.2016).

Giustozzi A. The art of coercion: Armed force in the context of state building / London school of economics. – L., 2008. – 28 p. – Mode of access:

<http://www.lse.ac.uk/internationalDevelopment/research/crisisStates/download/seminars/GiustozziDec10Revised.pdf> (Дата обращения - 28.01.2016).

Guide to the Syrian rebels // BBC. - L., 2013.-13.12. - Mode of access: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-24403003> (Дата обращения - 28.01.2016).

Haass R.N. The new Thirty years' war // Project Syndicate. - N.Y., 2014 a. - 21.07. - Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/richard-n-haass-argues-that-the-middle-east-is-less-a-problem-to-be-solved-than-a-condition-to-be-managed> (Дата обращения - 28.01.2016).

Haass R.N. The unraveling: How to respond to a disordered world // Foreign affairs / Council on foreign relations. - N.Y., 2014 b. - Vol. 93, Issue 6. - P. 70-79.

Hansen S., Mesøy A. Conclusion // The borders of Islam: Exploring Samuel Huntington's faultlines, from Al-Andalus to the virtual ummah / S. Hansen, A. Mesøy, T. Kardas (Eds.). - N.Y.: Columbia univ. press, 2009. - P. 309-321.

Harvey D., Pregent M. Who's to blame for Iraq crisis // CNN. - Atlanta, GA, 2014. - 12.06. - Mode of access: <http://edition.cnn.com/2014/06/12/opinion/pregent-harvey-northern-iraq-collapse/> (Дата обращения - 28.01.2016).

Hazbun W. A history of insecurity: From the Arab uprisings to ISIS // Middle East policy. - Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2015. - Vol. 22, Issue 3. - P. 55-65.

Hegghammer Th. The rise of Muslim foreign fighters: Islam and the globalization of jihad // International security. - Cambridge, MA: MIT press, 2011. - Vol. 35, Issue 3 (Winter 2010/11). - P. 53-94. - Mode of access: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/The_Rise_of_Muslim_Foreign_Fighters.pdf (Дата обращения - 28.01.2016).

Hill Ch.R. The end of the Arab state // Today's Zaman. - Istanbul, 2014. - 29.07. - Mode of access: http://www.todayszaman.com/op-ed_the-end-of-the-arab-state_354240.html (Дата обращения - 28.01.2016)

International society and the Middle East: English school theory at the regional level / B. Buzan, A. Gonzalez-Pelaez (Eds.). - Basingstoke: Palgrave, 2009. - 280 p.

Jackson R. Quasi-states: Sovereignty, international relations, and the Third World. - Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 1993. - 226 p.

Jehl D. Full Qaeda letter to Iraq ally speaks of group's global goal // The New York Times. - N.Y., 2005. - 12.10. - Mode of access: <http://www.nytimes.com/2005/10/12/world/middleeast/full-qaeda-letter-to-iraq-ally-speaks-of-groups-global-goal.html> (Дата обращения - 28.01.2016).

Kardaş T., Özdemir Ö.B. The making of European foreign fighters: Identity, social media and virtual radicalization // Analysis. – Istanbul: SETA, 2014. – N 11 (October). – 23 p. – Mode of access: http://file.setav.org/Files/Pdf/20141008132806_the-making-of-european-foreign-fighters-pdf.pdf (Дата обращения – 28.01.2016).

Lia B. Understanding jihadi proto-states // Perspective on terrorism / Univ. of Massachusetts Lowell. – Lowell, MA, 2015. – Vol. 9, Issue 4. – P. 31–41.

Lister Ch. Profiling the Islamic State / Brookings institution. Brookings Doha center. – Wash.; Doha, 2014. – 57 p. – Mode of access: http://www.brookings.edu/~media/Research/Files/Reports/2014/11/profiling%20islamic%20state%20lister/en_web_lister.pdf (Дата обращения – 28.01.2016).

Lister Ch. Syria's insurgency beyond good guys and bad guys // Foreign policy. – Wash., 2013. – 09.09. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2013/09/09/syrias-insurgency-beyond-good-guys-and-bad-guys/> (Дата обращения – 28.01.2016).

McCants W. The ISIS apocalypse: The history, strategy and doomsday vision of the Islamic State. – N.Y.: St. Martin press, 2015. – 256 p.

McDonald K. Islamic State's «medieval» ideology owes a lot to revolutionary France // The Conversation. – 2014. – 08.09. – Mode of access: <http://theconversation.com/islamic-states-medieval-ideology-owes-a-lot-to-revolutionary-france-31206> (Дата обращения – 28.01.2016).

McElroy D. Rome will be conquered next, says leader of «Islamic State» // The Telegraph. – L., 2014. – 01.07. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/10939235/Rome-will-be-conquered-next-says-leader-of-Islamic-State.html> (Дата обращения – 28.01.2016).

Mecham Q. How much of a state is the Islamic State? // Washington Post. – Wash., 2015. – 05.02. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2015/02/05/how-much-of-a-state-is-the-islamic-state/> (Дата обращения – 28.01.2016).

Özdemir Ö.B. Charlie Hebdo attack: An outcome of ISIS-AQ rivalry? // ORSAM. – Ankara, 2015. – 06.02. – Mode of access: <http://www.orsam.org.tr/en/showArticle.aspx?ID=2766> (Дата обращения – 28.01.2016).

Parkinson J. Kurds' takeover of Iraqi city of Kirkuk strengthens their hand // The Wall Street j. – N.Y., 2014. – 20.06. – Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/kurds-takeover-of-strategic-city-strengthens-their-hand-1403238922> (Дата обращения – 28.01.2016).

Rogio B. Analysis: ISIS, allies reviving «Baghdad belts» battle plan // The Long War j. / Foundation for defense of democracies. – Wash., 2014. – 14.06. – Mode of access: http://www.longwarjournal.org/archives/2014/06/analysis_isis_allies.php (Дата обращения – 28.01.2016).

Ross Ph. ISIS recruitment reaches «unprecedented scale» with 15,000 foreign jihadists joining militant fighters // International Business Times. – N.Y., 2014. – 30.10. – Mode of access: <http://www.ibtimes.com/isis-recruitment-reaches-unprecedented-scale-15000-foreign-jihadists-joining-militant-1716684> (Дата обращения – 28.01.2016).

Rotberg R.I. Failed states, collapsed states, weak states: Causes and indicators // State failure and state weakness in a time of terror / R.I. Rotberg (Ed.). – Wash.: Brookings institution press, 2003. – P. 1-25.

Saikal A. Westphalian and Islamic concepts of sovereignty in the Middle East // Re-envisioning sovereignty: The End of Westphalia? / T. Jacobsen, Ch. Sampford, R. Thakur (Eds.). – Farnham: Ashgate, 2008. – P. 73-83.

Sanctions list materials: ISIL (Da'esh) & Al-Qaida sanctions list / UN. Security Council. – N.Y., 2016. – Mode of access: https://www.un.org/sc/su/borg/en/sanctions/1267/aq_sanctions_list (Дата обращения – 28.01.2016).

Sayyid B.S. The conflict right now in the Middle East is between the post-Western regional order and the status-quo // ORSAM interviews on regional affairs. – Ankara, 2014. – N 12, November. – 13 p. – Mode of access: http://www.orsam.org.tr/en/enUploads/Activities/Files/20141125_soyles12ing.pdf (Дата обращения – 28.01.2016).

Scitutto J., Crawford J., Carter Ch.J. ISIS can «muster» between 20,000 and 31,500 fighters, CIA says // CNN. – Atlanta, GA, 2014. – 12.09. – Mode of access: <http://edition.cnn.com/2014/09/11/world/meast/isis-syria-iraq/> (Дата обращения – 28.01.2016).

Sennott Ch.M. How ISIS is tearing up the century-old map of the Middle East // Global Post. – Boston, MA, 2014. – 17.06. – Mode of access: <http://www.globalpost.com/dispatches/globalpost-blogs/groundtruth/ISIS-iraq-sykes-picot-WWI> (Дата обращения – 28.01.2016).

Shlaim A. The post-Ottoman syndrome // Shifting sands: The unraveling of the old order in the Middle East / R. Shehadeh, P. Johnson (Eds.). – L.: Profile Books, 2015. – P. 17-36.

Solomon E., Dombey D. Chaos in Syria and Iraq revives Kurds nationalist ambitions // Financial Times. – L., 2014. – 23.10. – Mode of access: <http://www.ft.com/cms/s/0/555a8194-59eb-11e4-9787-00144feab7de.html#axzz3yYtDGjaN> (Дата обращения – 28.01.2016).

State-building, nation-building, and constitutional politics in post-conflict situations: Conceptual clarifications and an appraisal of different approaches / Bogdandy A. von, Häußler S., Hanschmann F., Utz R. // Max Planck yearbook of United Nations law. – Leiden: Brill, 2005. – Vol. 9. – P. 579-613.

Taylor A. Report says 120 Islamic State fighters executed by Islamic State // The Wash. Post. – Wash., 2014. – 29.12. – Mode of access: <https://www.washin>

gtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/12/29/report-says-120-islamic-state-fighters-executed-by-islamic-state/ (Дата обращения – 28.01.2016).

Tilly Ch. The state of nationalism // Critical review: A j. of politics and society. – Abingdon: Taylor & Francis, 1996. – Vol. 10, Issue 2. – P. 299–306.

Tilly Ch. War making and state making as organized crime // Bringing the state back in / P. Evans, D. Rueschemeyer, Th. Skocpol (Eds.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1985. – P. 169–191.

Walt S.M. ISIS as revolutionary state: New twist on an old story // Foreign affairs / Council on foreign relations. – N.Y., 2015. – Vol. 94, Issue 6. – P. 43–45.

Westall S. Assad's army stretched but still seen strong in Syria's war // Reuters. – L., 2014. – 18.09. – Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-syria-crisis-military-idUSKBN0HD0M420140918> (Дата обращения – 28.01.2016).

Wyke T. Three French ISIS jihadis burn their passports and urge others to «poison non-believers' food and run over them with your cars» in chilling new propaganda video // Daily Mail. – L., 2014. – 20.11. – Mode of access: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2841698/Three-French-ISIS-jihadists-burn-passports-urge-poison-food-run-cars-chilling-new-recruitment-video.html> (Дата обращения – 28.01.2016).